Виктор Алексеевич НИКОЛАЕВ:

Моя дистанция – от Майны до Софии

- Виктор Алексеевич, вы, наверное, один из самых спортивных «профессионалов» Ульяновского землячества. Это важная составляющая вашей жизни?

- Вообще, профессионалом я считаю себя в области научно-педагогической деятельности. Но, безусловно, до сих пор со спортом дружу. Два года назад мои студенты пригласили меня в Мурманск на праздник Севера, на грандиозные лыжные соревнования: 50 км дистанция, по всей трассе в сопках на морозе стоят болельщики и вовсю поддерживают участников марафона! Я получил колоссальное удовольствие, хотя во время гонки легко не было, возраст дает о себе знать.

А познакомился я серьезно со спортом в 1964 году, сразу после того, как поступил в Ульяновский педагогический институт. Наши сборные по лыжам и по легкой атлетике считались самыми сильными в области. Традиционные «ленинские» эстафеты мы выигрывали много лет, и я как-то сразу окунулся в эту азартную атмосферу. Летом - бег, зимой - лыжи. Тренером у меня был Лев Алексеевич Вяткин - легендарная личность, не каждому дано такое беззаветное отношение к своему делу.

В те времена в Ульяновске славились спортивные общества «Урожай» и наш студенческий «Буревестник». Ребят из «Урожая» хорошо кормили, мы же были всегда голодными и худющими, но рвались к победе! К эстафетам готовились

Визитка

Родился 18 мая 1947 г. в р.п. Майна Ульяновской области. Окончил Ульяновский государственный педагогический институт (1968 г.), Куйбышевский планово-экономический институт (1978 г.), аспирантуру Академии общественных наук и социального управления в Болгарии (1988 г.).

Работал ассистентом кафедры физического воспитания Ульяновского пединститута, методистом областной станции юных туристов, в комсомольских и партийных органах области. С 1998 г. по настоящее время - профессор кафедры менеджмента Российской академии народного хозяйства и госслужбы при президенте Российской Федерации.

Доктор экономических наук.

В Ульяновской области прожил 41 год. В Москве – с 1988 г.

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

1967 год. Финишный рывок (эстафета на призы газеты «Ульяновская правда»).

целый год... Помните, на Венце была деревянная лестница от пединститута к Волге? По ней мы бегали вниз-вверх по многу раз. И далее, вдоль реки. Уставали сильно, зато такая подготовка очень помогала на эстафете.

- Кто же не знает «ленинскую» эстафету в Ульяновске? Это был практически такой же главный городской праздник, как день рождения Ленина!

- На всех этапах - на улицах, площадях стояли толпы народа: мы бежали по сплошному коридору людей. Это было просто грандиозно! 11 км с небольшим составлял большой круг, мне на нем доставались и самый длинный этап (по улице 12 Сентября), и первый (с площади Ленина), и последний (он шел на подъем по улице Кузнецова).

В числе лучших стайеров области в 1985 году я попал на соревнования в Киеве (тренером с нами ездил Валентин Кузьмин), которые проходили на так называемом «хрущевском» стадионе. Тогда я первый и последний раз увидел многократного чемпиона СССР и рекордсмена мира, первого олимпийского чемпиона среди советских легкоатлетов (в 1957 году в Мельбурне) Владимира Куца. Его мировой рекорд на дистанции 5 км продержался семь лет. Для каждого бегуна это - человек-легенда, применивший на дистанции «рваный» бег. Для него была характерна не техника, а воля к победе! Так вот, награждение в Киеве проводил сам Владимир Куц...

- Вы ведь еще и спортивным ориентированием занимались?

- Этот вид спорта, где необходимы и физические данные, и интеллект (не просто бежать надо, а еще и постоянно думать, выбирать варианты!), начал зарождаться в Ульяновске в 1965-1966 годах на базе нашей лыжной сборной.

Одной из главных трудностей стали для нас карты местности. Тогда же все карты были засекречены, попробуй-ка найди топографическую съемку! Поэтому мы исходили многие километры по лесным полигонам и затем сами рисовали карты.

Впервые сборная Ульяновской области по спортивному ориентированию, которую возглавил Вагип Ильясов, участвовала в соревнованиях в Куйбышевской области. Кстати, там моя будущая жена Лариса Галушко (как и я, кандидат в мастера спорта по лыжам) сразу выполнила норматив 1-го спортивного разряда. А вскоре мы уже выступали на всероссийском уровне. На соревнованиях в Пензе я первым из ульяновцев достиг норматива мастера спорта по ориентированию.

- С той поры Лариса и спорт так и идут с вами по жизни?

- А с нами - друзья-товарищи тех лет. С Геннадием Савиновым мы вместе учились, по соседству в общежитии жили, ну и дальше держались рядом. Кроме спорта во времена студенчества нам помогал тяжелый труд - вагоны разгружали, а еще на улице Кузнецова отапливали дом, принадлежавший военным, в кочегарке мы много уголька покидали... Зарабатывали копейки, но нам с Сашей Моленовым хватало - это еще один мой друг, мы жили единым бюджетом: в одном кошельке - общие деньги.

- А кого из ульяновских спортсменов сохранила ваша память?

- Михаила Горелова, Николая Карпова, Виктора Краснова - это наши стайеры, Вагипа Ильясова - он возглавлял областной совет по туризму, Владимира Монахова - знаменитого хоккеиста. С ним я познакомился, когда уже возглавлял отдел пропаганды горкома комсомола, и мы организовывали известные тогда соревнования «Плетеный мяч», «Золотая шайба». Мальчонок-победителей награждали клюшками с автографами ульяновских хоккеистов и Монахова всегда приглашали на церемонию.

- Это поднимало дух ребят?

- Конечно! В спорте, как и в жизни, моральная поддержка очень важна. Позже, когда я работал в обкоме партии, «взрослую» команду «Волга» осенью всегда приглашали для «поднятия духа» к секретарю по идеологии Владимиру Николаевичу Сверкалову. Все помнят, каким природным чувством юмора он обладал - артистичная натура, колоритная…

Кстати, не все знают, что Владимир Николаевич был настоящим, преданным ленинцем и большинство произведений Ильича мог цитировать наизусть. Когда мы ему доклады готовили, он всегда говорил: «Вы эту ЧЧЧушь не пишите, вы мне только примеры дайте, остальное я сам». Обыграть конкретные факты он был мастер.

Сверкалов спокойно мог «окунуть» человека - остро пошутить, а иногда и просто «размазать», но позволял это только с равными себе, из нашей партийной среды, и за какие-то, как он считал, провинности или упущения. Но в то же время Владимир Николаевич был душевный человек, знал и помнил проблемы людей: вот настоящий идеолог - психолог! У него была большая вера в то, чем он занимал-

1985 год. С ульяновскими ветеранами Великой Отечественной войны в день 40-летия Победы.

ся. Дефицит таких профессионалов, которые умеют формировать нравственные идеалы, особенно остро ощущается сегодня....

- На ваш взгляд, что главное в работе с людьми?

- Как и Сверкалов, я всегда считал, что можно отметить недостатки, но, в первую очередь, надо увидеть в человеке лучшее. У меня же педагогическое образование было, что помогало в работе. Но в то же время не хватало экономических знаний и впоследствии пришлось экстерном окончить филиал Куйбышевского планово-экономического института.

- Как же вы после пединститута и зарождавшейся спортивной карьеры попали на комсомольскую работу?

- С двух заходов. Сначала меня распределили в институт усовершенствования учителей, потом - армия, после службы вернулся в пединститут, где год поработал на кафедре физкультуры и спорта. К тому времени я уже обзавелся семьей, но жилья не было, ходил на работу по распутице аж из Ишеевки (где жил у жены) пешком, а где-то - на попутке. Дорога ужасная, даже танки в грязи вязли, направляясь на полигон в Поливно... Пришел я к ректору Наймушину - дайте хоть комнату в общежитии. Нет, не дал.

А тут меня пригласили на областную детскую туристическую станцию, где директором был Виктор Карпов. И не случайно: мне уже приходилось готовить детские команды для участия во всерос-

сийских слетах, проводить областные соревнования.

Так вот, областная станция юных туристов располагалась напротив старого кладбища на улице Карла Маркса, в двухэтажном доме, где хранилось снаряжение, проживали приезжавшие из других городов школьники. Там нашей семье и выделили небольшую комнатку...

Мы организовывали мероприятия по пешему и велосипедному туризму, внедряли спортивное ориентирование. Но тут меня пригласил на работу Олег Ильин, первый секретарь горкома комсомола. В 1972 году это было. Я уже дал согласие, пришел на работу, однако больше двух дней не выдержал, вернулся на старое место. Олег тогда обиделся, сказал: «Пока я в комсомоле, к комсомолу даже не подходи!».

- Но вы все-таки подошли?

- Олега забрали на работу в ЦК ВЛКСМ, и через два года меня пригласила уже Лидия Кораблина, секретарь горкома комсомола по идеологии, мы с ней вместе учились в пединституте. Пришел в отдел пропаганды, окунулся сразу в огромную массу мероприятий и понял, что работа у меня получается, приносит удовлетворение.

Стал кандидатом в члены КПСС, и вскоре заведующий отделом пропаганды горкома партии Юрий Александрович Ромбовский пригласил меня к себе инструктором. Пришли к тому же Сверкалову, побеседовали. Первый секретарь горкома Александр Семенович Золотов говорит: «Он нам подходит, только вот у него пока лишь девять месяцев кандидатского стажа». А Сверкалов ему: «Ну, ничего, партийную дисциплину-то он уже изучил, а что еще надо?».

Потом вместе с Юрием Александровичем я перешел в обком партии и с огромным удовольствием вспоминаю те многочисленные мероприятия, которые вместе с ним готовил. Уникальный был человек, обладал колоссальной эрудицией, чувством такта и величайшей скромностью. Мало кто знал, что в те непростые времена он активно собирал материалы и изучал биографию Сталина. Его библиотека и личный архив могут быть гордостью, достоянием нынешнего поколения.

- Что отличало тот период?

- Серьезное отношение партии к формированию жизненных идеалов. Пусть что-то и основывалось на слепой вере, но область двигалась вперед, были построены крупные промышленные объекты.

А что касается меня, то одним из порученных мне направлений была наглядная агитация. Поэтому к созданию многих монументальных сооружений в Ульяновске имею непосредственное отношение. Конечно, не как монументалист, а как организатор.

К 30-летию Победы мы курировали строительство обелиска. Знаете, сколько труда там положено не только творческого, но и чисто организационного? Надо же было достать и металл, и другие материалы.

А сколько возились с «телеграммой» Ленину на здании госпиталя ветеранов войны!.. Одну отливку сделали на машиностроительном заводе, стали монтировать, а она тяжелая, чугунная, а кирпич-то старый, мягкий - упала. Пришлось переделывать. Подобные барельефы делали потом на здании почтамта, на УНИПТИмаше. С Союзом художников, с Художественным фондом работали рука об руку, хорошие отношения установи-

лись со всеми. Ульяновских художников, активно оформлявших наш город, вспоминаю с чувством искреннего уважения. Это и Обвинцев, и Склярук, и Сорокин, и Моторин, и Горинов, и Айрапетян, и многие другие.

- Что еще врезалось в память из работы на «переднем крае»?

- Было несколько ситуаций и громких ЧП, которые забыть невозможно. 5 июня 1983 года теплоход «Александр Суворов» на полном ходу зашел под несудоходный пролет ульяновского моста через Волгу, задел его конструкции, и они снесли рубку и кинозал. Никто так и не назвал точную цифру погибших, поскольку никто не знал, сколько пассажиров на момент аварии находилось на борту. Называют цифру от 200 до 600 человек. Ужасная трагедия союзного значения.

Она произошла как раз, когда я работал в обкоме, и меня «бросили» на встречу родственников погибших и опознание трупов. В то время не было ни МЧС, ни психологических служб - все эти функции выполняли партийные органы, которые в такие моменты чрезвычайных ситуаций выступали, как говорят сейчас, кризис-менеджерами.

Помню, на путях стояло три или четыре вагона-рефрижератора, где в гробах лежали погибшие, их перед опознанием постарались привести в более-менее нормальный вид, одеть, чтобы не сильно шокировать родственников - там же была просто мясорубка. Многих упавших и спрыгнувших в воду людей прибило бревнами с товарняка, шедшего в тот момент по мосту - вот такое трагическое стечение обстоятельств...

После опознания сразу же делали оцинковку и отправляли гробы самолетами, поездами - просто какой-то конвейер похорон, никогда в жизни я больше не видел рядом столько горя. Приходилось одновременно с организаторскими функциями как-то успокаивать людей, переживших стресс, - до сих пор перед глазами та жуткая картина. Мне было четко сказано, что делать, и я старался все организовать максимально быстро - работали дни и ночи. После этого меня можно было смело назначать на руководящую работу в МЧС, такую школу я там прошел...

«Сбылась мечта - я стал преподавателем».

- Кажется, именно в те годы произошел экстрим всегородского значения - «разморозка» Ульяновска?

- Это случилось под финиш 1977-го. 30 декабря рванула теплотрасса, а 31-го в ночь начали рваться стены домов - там, где батареи были вмонтированы в стенные блоки, потому что мало кто догадался слить воду из труб, информированности не было никакой, ну и плюс наша российская безалаберность. Несколько городских районов были частично, а За-

свияжский практически полностью, разморожены. Люди уезжали в деревни, к родственникам, знакомым, в частные дома, туда, где были печки и местные котельные.

Мне по расписанию досталось дежурить в обкоме партии как раз 1 января, с 8 утра. Выхожу после новогодней ночи на пустынную улицу - не ходят ни трамваи, ни автобусы: жуткий мороз, машины не заводились, люди сидели по домам. Кое-как добрался до площади Ленина, в обкоме меня встречает Владимир Николаевич Сверкалов, как сейчас помню - в валенках, и говорит: «Здорово, Виктор, вот тебе телефон, видишь, красный какой? Раскалился».

Действительно, телефон звонил не переставая - тогда же чуть что случалось, все звонили куда? В обком партии! И каждого надо было выслушать, объяснить, успокоить… Куда только меня не посылали разгневанные горожане!!!

А началось все с гидроудара на теплотрассе в районе Пушкаревского кольца. Когда отремонтировали порыв и решили проверить, то ли заглушка подвела, то ли сильное давление дали, произошла вторая авария. Энергетики пытались справиться своими силами. Но дело оказалось намного серьезнее, к нам потом со всей страны приезжали бригады слесарей, привозили батареи, трубы.

Рассматривая причины аварии, диверсии не нашли, было обыкновенное головотяпство и разгильдяйство. За все в ответе была в те времена компартия: она принимала на себя функции главного менеджера, она объединяла усилия организаций и служб. В таких экстремальных ситуациях партийная дисциплина необходима и эффективна. Почти военная структура могла мобилизовать и управленцев, и хозяйственников, и финансы, и людские ресурсы, словом, партия делала все, что было необходимо.

- А все ли было необходимо?

- Конечно, нет. Время при Геннадии Васильевиче Колбине отмечено легендарными сражениями с антисоциальными явлениями, а именно - борьбой за трезвый образ жизни, за трудовую дисциплину. Помните, наверное, безалкогольные свадьбы? Это же было нечто нереальное!

Выдает замуж свою дочь Тихонов, заместитель председателя райисполкома Железнодорожного района. Во Дворце профсоюзов идет торжественная регистрация, показательная. А ко мне подходят и спрашивают: «Виктор Алексеевич, можно мы тут, под лестницей, по чуть-чуть шампанского?». Ну что скажешь, праздник у людей!..

Лет пять назад читаю лекцию в своей академии, и после нее женщина ко мне обращается: «Виктор Алексеевич, вы не помните такую свадьбу в Ульяновске, когда вы нам разрешили выпить под лестницей?..». Оказывается, дочка Тихонова, это ее свадьба была. Та безалкогольная колбинская кампания потом плавно перешла в андроповскую кампанию против алкоголизма...

- Вам нравилась партийная работа?

- Не скажу, что я был идейно к ней готов, но старался делать все добросовестно. Особенно тяжеловато пришлось в первые два года, потому что кабинетная работа не в моем характере. Я человек свободолюбивый, рамки железной дисциплины мне тягостны. Поэтому, когда в один прекрасный момент пришла разнарядка на учебу в аспирантуру и мне предложили на выбор несколько стран

1986 год. Болгария. «Историю братской страны мы изучали не только по учебникам...».

социалистического содружества, я с удовольствием согласился.

Выбрал обучение в Болгарии, поскольку был уже немного знаком с этой страной, общался с братьями-болгарами (так их тогда называли), когда в Димитровграде готовилось открытие памятника антифашисту Георгию Димитрову, к 100-летию со дня его рождения. А еще тогда проводили международные конкурсы по постановке трасс спортивного ориентирования, и в Болгарии выходила газета «Эхо», которую я выписывал и участвовал в этих конкурсах.

Учился я в Софии в Академии общественных наук и социального управления при ЦК Болгарской коммунистической партии три года. К 10 декабря, на день рождения жены, всегда прилетал в Ульяновск с букетом роз - в те времена это было что-то фантастическое! Розы я пеленал, чтобы не замерзли… И потом на месяц оставался и занимался сбором материала для диссертации: десять болгарских предприятий - десять наших, две страны - два подхода. Все как раз по специальности «Государственное управление». Или, как сейчас говорят, менеджмент.

- Вы на себе ощутили любовь болгар к русским?

- Конечно. Отношение болгар к нам было очень теплое, как к родным. Особенно искреннее уважение испытывало к

русским старшее поколение, при этом, я так понял, в большей степени вспоминали нашу страну добрым словом не столько за Вторую мировую войну, сколько за Александра Суворова, который освободил Болгарию от 700-летнего османского ига.

Нас приглашали на все праздники на главную площадь Софии. Там на трибунах мы однажды 1 мая встретились с советской делегацией, в ее состав входили писатели Булат Окуджава, Сергей Залыгин, Виктор Астафьев.

А с председателем нашего правительства Николаем Ивановичем Рыжковым довелось встретиться в Болгарии в рамках посольства. Мне тогда понравилось его замечание по поводу перестройки, он сказал: «Ребята, перейти сразу с одних рельсов управления народным хозяйством на другие невозможно. Это все равно, что огромный корабль или воздушный лайнер взять и развернуть на 360 градусов - ведь разрушится же! То же будет и с экономикой».

Рыжковские слова вспомнил, когда в 90-е годы летал в Китайскую Народную Республику, где как раз начался решительный переход на рыночный путь. Так вот, китайские специалисты тоже говорили: «Нельзя одновременно разрушать экономическую, социальную и идеологическую составляющие, будет полный бардак». Откровенно говорили. И это не китайская философия, что нельзя «рушить до основания, а затем...», это общемировая философия. Все так и вышло.

- Где началась ваша преподавательская деятельность?

- После аспирантуры я попросился с партийной работы на преподавательскую. В Ульяновске как раз начали организовывать филиал Московского государственного университета, и я даже договорился с ректором Юрием Вячеславовичем Полянсковым, что буду там преподавать.

С секретарем обкома партии по идеологии Валентиной Алексеевной Баскаковой у меня тоже состоялась договоренность - она меня отпустила. А в ЦК КПСС воспротивились - нет, и все! Журили: «Мы же тебя учили на партийные деньги!». После долгих переговоров меня направили на кафедру управления Академии общественных наук.

Приехал в Москву на собеседование. Вижу, на меня косо смотрят, поскольку был звонок из Орготдела ЦК, думают, по блату прислали. Когда в коллектив вживляют человека со стороны, всегда болезненно.

Рэм Александрович Белоусов, основатель и руководитель кафедры, говорит: «У нас сейчас демократия. Если коллектив решит, что вы нам подходите, будете работать. Сделайте нам доклад о социально-экономическом положении Болгарии». Я подготовился, собрали всю кафедру, и, как мне потом сказали, такого там не было ни до, ни после…

Проголосовали за меня единогласно, и с 1988 года я работаю там. Только теперь наше учреждение называется Академией государственной службы при президенте Российской Федерации. Веду обучение глав субъектов РФ, специалистов местного самоуправления, депутатов, руководителей предприятий и организаций. Подготовил более 25 кандидатов экономических наук, в их числе - пять представителей родной Ульяновской области.

- Словом, сегодня вы занимаетесь только преподаванием?

- Не только. Выполняю функции консультанта-эксперта, для администраций регионов и муниципальных образований разрабатываю концепции стратегического развития территорий, готовлю рекомендации по формированию и эффективному использованию бюджетов, привлечению инвестиций и другим вопросам.

Осуществляю также научное сопровождение программы социальной и экономической поддержки населения, одобренной Советом Федерации РФ, в Московской, Мурманской, Тюменской областях и других регионах.

Кроме того, я помощник депутата Государственной Думы на общественных началах, член рабочей группы по вопросам законодательного регулирования земельных отношений и градостроительства Совета по местному самоуправлению при председателе Госдумы.

- Вы были одним из организаторов землячества. Как все складывалось?

- Мы, ульяновцы, знали друг друга, но до официального формирования землячества встречались группами, как говорится, по интересам. Общих дел не было, и связи с областью на уровне администрации не было. Более того, поначалу землячество восприняли в Ульяновске как что-то непонятное. Цель-то была - продвижение нашего края в Москве, с включением механизма лоббирования на российском рынке ульяновской продукции.

Попытались создать что-то типа Торгового дома, концептуально все было хорошо, но окружение Горячева (покойного) так ему идею преподнесло, что утопило ее и переиначило - мол, это все не в

Любимая работа - всегда в радость!

интересах области, а наоборот. И только после того, как мы поучаствовали в ряде социальных акций, реакция на землячество стала более положительной. Собирали мы средства на строительство госпиталя, передавали детским домам книги, компьютеры, через церковные сообщества помогали нуждающимся одеждой. Вот тогда признание пошло.

Более тесной связь с Ульяновском стала при Шаманове, Владимир Анатольевич был не против любой поддержки. С помощью членов землячества активизировали привлечение капитала, инвестиций на территорию области, ведь среди нас были люди, которые принимают решения или могут повлиять на решение на всероссийском уровне.

Сейчас та часть нашего землячества, к сожалению, вышла за пределы активного возраста. Но пытаемся усилить молодежную составляющую в нашем объединении - добрые традиции должны продолжаться.